

ГЕНИИ ВЛАСТИ

РОКСОЛАНА- ХУРРЕМ

И ЕЕ «ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ВЕК»

ТАЙНЫ ГАРЕМА
И СТАМБУЛЬСКОГО
ДВОРА

НАТАЛЬЯ ПАВЛИЩЕВА

Гении власти

Наталья Павлищева

**Роксолана-Хуррем и ее
«Великолепный век». Тайны
гарема и Стамбульского двора**

«Яуза»

2013

Павлищева Н. П.

Роксолана-Хуррем и ее «Великолепный век». Тайны гарема и Стамбульского двора / Н. П. Павлищева — «Яуза», 2013 — (Гении власти)

ISBN 978-5-699-67096-3

Нет сейчас более популярного любовно-исторического сериала, чем «ВЕЛИКОЛЕПНЫЙ ВЕК». История славянской пленницы Роксоланы, ставшей всемогущей Хуррем, законной женой султана Сулеймана Великолепного, покорила многие миллионы телезрительниц. Ни до Роксоланы, ни после нее султаны Османской империи не женились на бывших рабынях по законам шариата и не жили в моногамном браке, они вообще предпочитали официально не жениться, владея огромными гаремами с сотнями наложниц. А Сулейман не только возвел любимую на престол Блистательной Порты, но и хранил ей верность до гроба – и после кончины Роксоланы написал такие стихи: «А если и в раю тебя не будет – не надо рая!» Эта книга – больше, чем политическая биография или любовный роман, вы найдете здесь массу интереснейшей информации о «Великолепном веке» Блистательной Порты, будь то самые сокровенные тайны гарема и Стамбульского двора, любовные стихи Роксоланы и Сулеймана, история появления кофе и рахат-лукума или старинные рецепты османской кухни, включая «эксклюзивные» блюда, приготовленные для пира в честь обрезания сыновей султана.

ISBN 978-5-699-67096-3

© Павлицева Н. П., 2013

© Яуза, 2013

Содержание

Ведьмы на троне	7
Великолепная пара...	10
О бедном султани	12
Кто она, женщина, сумевшая околдовать султана?	27
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Наталья Павлищева
Роксолана-Хуррем и ее «Великолепный
век». Тайны гарема и Стамбульского двора

© Павлищева Н. П., 2013

© ООО «Издательство «Яуза», 2013

© ООО «Издательство «Эксмо», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Ведьмы на троне

Имя жены султана Сулеймана Великолепного Роксоланы окутано тайнами и овеяно легендами, причем вовсе не воспевающими ее, а больше похожими на дешевые базарные сплетни. Не повезло султанше, даже в роскошном сериале «Великолепный век», заставляющем который сезон приникать к телевизорам любительниц красивых страданий, ее превратили в злобную фурию, каким-то колдовством завоевавшую (да что там, захватившую!) сердце Великолепного Сулеймана. И непонятно, кого больше жаль – страдальца султана или оболганную Роксолану-Хуррем.

Она далеко не одинока; наверное, любая женщина у власти, которая хоть чего-то стоила, обязательно была облита грязью (о правителях-мужчинах не говорю, у нас женский вопрос).

Кем у нас числится Клеопатра? Роковой красавицей, требовавшей за ночь с собой расплачиваться жизнью (и ведь находились столь жадные до царских ласк, что платили! Жизней у них, как у кошек, по девять, что ли?). Велика же должна быть гора трупов под царскими окнами! Куда она трупы девала: сушила, на солнышке вялила, сжигала, бальзамировала?

Глупость? Но чем лучше басни о сотнях любовников-гвардейцев Екатерины Великой?

А огромные бутылки с ядом у Екатерины Медичи? Если поверить во все отравления, которые ей приписывают, то цианид надо было держать в ведрах. Или в мешках из-под картошки.

Или сумасшедшая любвеобильность королевы Елизаветы I, тайно рожавшей младенцев и подбрасывавшей их подданным?

Все они просто ведьмы на троне, не иначе.

Но археологи раскапывают монеты с профилем Клеопатры, а потом находится бюст царицы Египта, выполненный пусть не прижизненно, но по заказу дочери (уж она-то должна помнить, какой была мать), и все, кто это видят, испытывают потрясение. Роковая красавица, за ночь с которой не жаль жизни, имела внешность... Бабы Яги в молодости: крючковатый нос, выступающий вперед подбородок, реденькие волосы... потом добавляются прижизненные описания, подтверждающие, что царица была невысокого роста, имела кривые ноги и некрасивые зубы, в общем, только грудь хороша и глаза умом светились...

Зато владела, по одним данным, пятью, по другим – девятью языками, разбиралась в философии, географии, написала трактат по математике, прекрасно пела, умела вести беседу с любым на любую тему и обладала таким обаянием, что попавший под чары ее серебряного голоса просто забывал о внешности. Обаятельная умница, прекрасно разбиравшаяся в экономике и политике, не менее прекрасная мать (судя по отзывам ее детей и современников, недаром египтяне почитают ее как богиню Изиду, которая сродни Деве Марии).

Изучала действие различных ядов на людей? Да, прикидывала, какой действует быстро, для себя старалась, потому что знания потом применила на практике, а испытания проводила на приговоренных к смерти.

Откуда тогда бред о роковой красоте и дорогой цене за нее?

Понадобился Октавиану Августу, чтобы получить от Сената Рима деньги на войну с Египтом, вернее, со своим соперником на пути к единовластию в Риме Марком Антонием, который женился на царице Египта. А еще чтобы оправдать безумное увлечение Клеопатрой самого Юлия Цезаря, мол, такая эта Клеопатра роковая, что если с ней не расправиться, непременно погубит всех стоящих мужчин Рима, притянув своей красотой, как венерина мухоловка – насекомых. Сенат поверил и денег дал, а байка о роковой красавице осталась жить.

Две тысячи лет верили, что Клеопатра была красива настолько, что из-за ее внешности умные мужчины совершенно теряли головы, а глупые – и жизни.

А «Великой отравительнице» Екатерине Медичи не было никакой необходимости дарить возможной сопернице в борьбе за власть отравленные перчатки, Жанна д'Альбре давно и безнадежно болела туберкулезом, пребывание даже в гостях в Париже в сыром климате Сены для нее было смерти подобно. Отравление тем более нелогично, что Екатерина как раз обсуждала с будущей сватьей замужество своей дочери Маргариты (королевы Марго) с сыном Жанны Генрихом (будущим королем Генрихом IV). Но настроенным против Екатерины Медичи было удобно поверить – и поверили...

Не лучше сплетни о других правительницах, при ближайшем рассмотрении ни одна из них не выдерживает критики, рассыпаются в прах. Но никто не рассматривает, ни к чему. Гораздо легче поверить, что египетская красавица штабелями складывала казненных, что через спальню императрицы строем проходили полки гвардейцев, а Екатерина Медичи подавала на стол отраву фужерами и разрезала яблоки исключительно смазанными с одной стороны ядом ножичками.

Было, наверняка все было, но не в таких же объемах! Глупости заслонили от нас математические способности Клеопатры, долготерпение Екатерины Медичи (кто бы вынес многолетнюю любовницу рядом с мужем, не отравив ее?), организаторский талант Екатерины Великой, дипломатические успехи королевы Елизаветы, столько лет ради блага своей страны водившей за носы многочисленных женихов всех стран и мастей...

Бредни о колдовстве, которым Роксолана присушила к себе Сулеймана, ради прихода к власти отравила или хотя бы собиралась отравить всех мешавших ее возвышению, подвела под ятаган сонм врагов и так далее... из той же копилки. Не самая красивая, не самая стройная смогла завоевать сердце султана, имевшего под рукой сотни великолепных образцов женской красоты, причем завоевать раз и навсегда, даже после ее смерти султан писал посвященные своей Хуррем стихи и тосковал о ней. Что это, как не колдовство?

Приговор ясен: ведьма! Причем злющая, кого только ни извела: валиде, Ибрагима-пашу, шех-заде Мустафу, даже собственного сына Баязида! Заговор против всей вселенной, не иначе. Хорошо, что яда не хватило, чтобы отравить весь Стамбул скопом.

Если верить бредням, Роксолана в свободное от постельных обязанностей время только и делала, что ловила скорпионов, пауков и прочую гадость, чтобы сварить приворотное зелье. Почему-то забывают о том, что Сулейман месяцами отсутствовал в Стамбуле, находясь за тысячи километров в походах, и оттуда писал своей Хуррем полные любви и тоски по ней письма. Она отвечала тем же.

И травить всех подряд у нее не было никакой необходимости, султан все равно любил ее одну, любил даже тогда, когда ей было за пятьдесят (старушка для XVI века).

Но компания, в которую попала Роксолана, хороша! Каждая из этих оклеветанных женщин стоит того, чтобы пытаться дорасти до них, понять силу их обаяния, а также истинную причину любви к ним великих мужчин.

Почему же люди поверили сплетникам, а, например, не Пушкину, который видел у своей Натальи Николаевны душу, а не красивую обертку, любил ее за умение сострадать, сочувствовать, отдать всю себя тем, кого любит? Почему не поверили в искренность увлечения Клеопатрой великого Юлия Цезаря?

Почему не поверили султану Сулейману, писавшему любимой прекрасные письма и стихи даже посмертно?

Зато поверили сценаристам сериала, у которых вся эволюция образа Хуррем только от хитрой истерички с улыбкой аспида до ловкой и безжалостной интриганки вовсе без улыбки? Конечно, любовь зла, полюбить можно хоть крокодилицу, но как бы ни старались актеры, поверить в любовь Сулеймана Великолепного к этой фурии просто невозможно.

Человека нельзя всю жизнь поить приворотным зельем, к тому же Сулейман пережил свою Хуррем на целых восемь лет, и его любовь тоже пережила, без зелья никуда не делась, не рассеялась, как дым, не растворилась без остатка.

Любовь на всю жизнь и даже после нее не бывает приворотной, она настоящая.

Давайте попробуем поверить в искренность чувств настоящего, а не экранного султана Сулеймана, в то, что женщина, к которой он эти чувства испытывал, была их достойна, что у его Хуррем вовсе не такая черная душа, как нам показывают в красивых декорациях талантливые актеры. Пусть настоящее будет выше грязных выдумок, растиражированных ради привлечения зрительской аудитории.

Клеопатра не была бездумной убийцей, Екатерина Медичи – безжалостной отравительницей, Елизавета не рожала детей от любовников ежегодно, а Наталья Николаевна ежевечерне не крутила романы. И Роксолана не заготавливала приворотное зелье для Сулеймана Великолепного ведрами.

Они все были настоящими и заслуживали настоящей любви великих мужчин.

Великолепная пара...

Султан Сулейман Великолепный и его супруга Хуррем, именуемая в Европе Роксоланой, – одни из известнейших (и интереснейших) личностей в истории Османской империи. Причем репутации у них абсолютно разные.

Сулеймана в Европе называли Великолепным, в Турции почитали как Кануни – «Законника», правителя, поступавшего только по закону, во всяком случае старавшегося поступать именно так, великого завоевателя, значительно расширившего владения Османов за время своего долгого – 46 лет – правления, совершившего то, что не удалось его воинственным предкам, грозу Европы и заботливого султана для своих подданных, независимо от их национальной принадлежности и вероисповедания. При этом султан Сулейман был истинным мусульманином, свято чтившим все заповеди Корана и щедро жертвовавшим на нужды мечетей и бедных.

Роксолана-Хуррем вызывала и у своих современников, и у потомков двойное чувство. Европейцы отзывались о ней как об умной, очень приятной в общении, прекрасно образованной и щедрой к нуждам малоимущих правительнице.

Туркам же и прежде, и ныне ненавистно само имя супруги своего любимца султана. Роксолану называли жестокой ведьмой, колдовством подчинившей себе Сулеймана, обвиняли в казни всех, кто был казнен за время правления Кануни, в том числе и тех, кого казнили после ее смерти, обвиняли в попытке посадить на трон одного из своих сыновей... Проще сказать, в чем не обвиняли Роксолану – разве что в наводнении в Америке или снегопаде на Чукотке, и то только потому, что о них не знали.

Эта необычная не только для Османской империи, но и для XVI века вообще семейная пара сыграла большую роль в международной политике Европы и особенно в становлении самой империи.

К сожалению, талантливо снятый и очень популярный сейчас сериал «Великолепный век» грешит тем же, чем грешили базарные сплетни времен самой Роксоланы: огульно обвиняет во всех бедах и неприятностях ее времени.

Конечно, выжить в гареме вообще непросто, а выйти замуж за султана и стать для него единственной, имея такое количество соперниц, более красивых и страстно желающих занять место на султанском ложе, и того трудней.

Она все смогла. Девчонкой привезенная издалека, не самая красивая и стройная, невысокого роста, далеко не первая у Сулеймана, уже имевшего и жен-красавиц, и нескольких сыновей – наследников престола, Роксолана, как звали ее европейцы, сумела стать для Сулеймана единственной женщиной, которую султан желал видеть рядом с собой, с которой заключил брак по шариату, нарушив полуторавековой обычай османских султанов не жениться. Рабыня, ставшая законной султаншей... разве это возможно без колдовства? И по Стамбулу ползли сплетни одна другой хуже и нелепей.

Но Сулейман оказался выше всех нашептываний и наветов, выше любых сплетен, он верил сердцу и своей Хуррем, как звали Роксолану в гареме.

И все же не тем примечательна Роксолана, что из рабынь стала любимой женой, даже не тем, что законной, и не тем, что, не самая красивая, легко затмила самых. А тем что встала рядом с мужем, стала правительницей огромной империи, а не гаремной наушницей, давала советы мужу не в постели, а во время приемов послов, а многих принимала и сама.

На султанов их наложницы влияли и до, и после Роксоланы, но все влияние сводилось к протезированию собственного сына, чтобы стать валиде – матерью следующего султана после

смерти нынешнего. Обычно матерям наследников нынешний султан даже мешал, ведь с его смертью новая валиде получала власть в гареме.

Роксолану обвиняли в том, что старалась добиться наследования престола одним из своих сыновей. Но разве остальные добивались не того же для своих?

Почему-то никто не замечал, что у Роксоланы уже есть реальная власть, вернее, замечали те, кто пытался этим воспользоваться, кто подносил богатые подарки именно султанше, кто старался заручиться ее поддержкой. Прежде всего это были послы европейских монархов, они раньше других поняли, кто имеет самое большое влияние на султана, к кому обращаться за посредничеством.

Европа уже просыпалась от средневекового сна, ее женщины уже превращались из красивых кукол и машин для рождения наследников в полноправных членов общества. Конечно, до полноправия было еще очень далеко, но женщина эпохи Возрождения уже заявила о себе.

Такой была и Роксолана, именно поэтому современникам и, особенно, современницам было так трудно понять ее поведение и ее силу, а все, что непонятно, немедленно приписывается колдовским чарам. Роксолана прожила почти 53 года, в таком возрасте она уже не могла составить конкуренцию более молодым и красивым, но и тогда Сулейман любил только свою «старушку». Более того, даже после смерти оставался верен ей душой, тосковал и писал прекрасные стихи в память о возлюбленной...

Наверное, она того стоила.

Что же это за мир – Османская империя, Стамбул, гарем султана Сулеймана, в который попала Настя Лисовская и где, названная Роксоланой-Хуррем, сумела не просто выжить, но стать правительницей, повелительницей, запомниться на века?

Что за султан, решившийся жениться на любимой рабыне, презрев обычай и людское мнение?

Что это за Роксолана, ради которой стоило нарушать неписанные законы империи и которой даже после ее смерти стоило посвящать стихи?

О бедном султানে Замолвите слово...

Султан Сулейман бедным не был, он был сказочно богат, причем не в последнюю очередь – своими собственными стараниями.

Судя по многочисленным отзывам (оставленным, конечно, зависевшими от него людьми), Сулейман был не просто Кануни, то есть «Законник», «Справедливый», он истинный образец правителя. С одной стороны – настоящий воин, полководец, крепко сидевший в седле и завоевывавший города и страны, с другой – заботливый правитель, который пекся о благосостоянии простых подданных, при котором были отменены многие налоги, а оставшиеся не возрастали, хранитель исламских и османских традиций. А еще поэт с очень неплохими стихами, заботливый и любящий отец, сын и муж.

Высокий, красивый, с орлиным профилем, умный, заботливый, и к тому же султан. Как такого не полюбить что близким, что подданным вообще? Один минус – столько лет верен одной-единственной женщине! Попал под ее чары и никак не мог от них освободиться.

Проклятая «роксоланка» («русская»)!

Колдовством влюбила в себя султана, небось подсыпала ему в еду зелье...

Не имела доступа к султанской пище?

Не важно, значит, по-другому колдовала, привороты разные применяла.

Разве может мужчина быть верен одной женщине? Нет, простой мужчина может – но султан, у которого вокруг сотни гурий?..

И всех, кто мешал, кто стоял на пути, извела – внушила султану одних (Ибрагима и Мустафу) казнить, других (Гритти) отправить подальше, третьих (валиде) сама отравила. Собственную дочь не пожалела – совсем ребенком старику в жены отдала – и сына (Баязида) тоже не пощадила, султан по ее наущению казнил, не иначе...

А сорок отпрысков Сулеймана, которых кровожадная гадина уничтожила (наверное, тайно, потому что сам султан об этом не подозревал, отпрыски, кстати, тоже)?!

А сын Селим, ставший следующим султаном, которого мамаша непонятно из каких соображений поила алкоголем вместо молока практически с младенчества?! Это и стубило Османскую империю, потому что Селим вырос алкоголиком, за что и был прозван Пьяницей. А Пьяница не мог не загубить порученное дело, то бишь руководство огромной империей.

А несчастные евнухи, которым по приказу султанши (по чьему же еще?) отрезали все, что только можно, выдавая взамен серебряные трубочки, чтобы мочиться сподручней?!

А несчастная Османская империя, которую Роксолана умудрилась развалить уже после своей смерти?!

Ну что можно сказать?..

Османская империя прекратила свое существование через 364 года после смерти Роксоланы. Получается мина слишком уж замедленного действия.

Пьяницей был не один Селим; например, двое сыновей султана Баязида даже умерли от пьянства, а империя при сыне Роксоланы не только не распалась, но и увеличилась в размерах. И Селима споили сознательно в куда более зрелом возрасте, чем тот, в котором потребляют материнское молоко.

Евнухи попадали в гарем уже кастрированными и с серебряными трубочками для личной гигиены, султанша могла о таком и не знать.

Никаких сорока отпрысков, даже тайных: у Сулеймана было восемь сыновей, пятерых из которых родила сама Роксолана, двое умерли еще до ее фавора, третьего – Мустафу – Сулейман

казнил за настоящую измену, об этом речь впереди. Дочери известны две – Михримах и Разие, и обе спокойно дожили до старости.

Ничего, кто ищет, тот всегда найдет, потому найти сорок отпрысков для желающих не проблема.

Баязид был казнен из-за выступления против отца через четыре года после смерти Роксоланы? Не важно, все равно она виновата!

Ее дочь Михримах вышла замуж за Рустема-пашу в семнадцать, когда этому «старик» шел тридцать девятый год, что для того времени было вполне обычно? Все равно непорядок!

Гритти поспешно уносил ноги из Стамбула и был рад назначению в Венгрию, потому что им уже интересовались чиновники из-за многих финансовых нарушений? Чья же вина, как не Роксоланы? В махинациях Гритти или в интересе чиновников? Во всем!

Мустафу отец казнил во время похода, находясь далеко и от Стамбула, и от Роксоланы? А она и на расстоянии влиять умела, когда султан размышлял, где поставить запятую в предложении «Казнить нельзя помиловать!» – мысленно за две тысячи километров ему подсказывала, где именно.

А вот с Ибрагимом все не так ясно... Была взаимная ненависть, была... Боролись они за внимание султана и за влияние на него, смертельная схватка получилась. Жить осталась Роксолана, но это не означает, что именно она нанесла решающий удар, у Ибрагима-паши было так много грехов, что меч давно висел над его головой, вернее, шеей, не одному Гритти стоило уносить ноги...

И все же в удалении Ибрагима Роксолана могла быть виновной, если не прямо, то косвенно.

Однако винили-то ее совсем не в этом, а в том, что пыталась известить всех на корню, на сам гарем замахнулась. Такие слухи ходили по Стамбулу, хорошо, что султан на них не обращал внимания, не столько потому, что не слышал, сколько потому, что не верил, видно зная о своей Хуррем что-то такое, чего не знал никто.

О персонаже под именем Хуррем в сериале такого не скажешь. Злое, в лучшем случае озабоченное лицо у той, которую зовут «Дарящая радость», «Смеющаяся». У киношной Хуррем не то что радости – и улыбки на лице не видно, напротив, написано: «Не подходи, убью!». Невольно веришь, что вот эта могла отравить или подставить под ятаган кого угодно. Кажется, ей чего-то не досталось после стояния в длиннющей очереди, радость эта особа дарить точно не могла.

Если Хуррем и впрямь была как в сериале – злой и ненавидевшей всех вокруг, то можно поверить стамбульцам, убежденным, что без колдовства не обошлось.

Как султан мог полюбить такую? Только после пары литров приворотного зелья с утра или, наоборот, на ночь. Удивительно, что он и во время долгих походов о своей Хуррем не забывал, писал любовные письма, присылал стихи... То ли зелье было долгодействующее, то ли с собой давала, наказывая принимать по столовой ложке три раза в день перед едой. А может, просто любил?

Так будем жалеть султана Сулеймана Хазрет Лери Хана или сначала попробуем разобраться, какова же в действительности была эта Роксолана-Хуррем, так ли страшна, как ее в сериале малюют, и что мог и чего не стал бы совершать ради настоящей Хуррем настоящий султан Сулейман Великолепный?

Сначала о самом Сулеймане Великолепном.

Сулейман, которому «не светило» стать не только султаном, но и вообще наследником престола, родился осенью 1494 года у младшего сына правящего султана Баязида II принца

Селима и его жены Хафсы Айше в Трапезунде (ныне Трабзон), где Селим был правителем по воле отца.

По поводу «воли отца» стоит упомянуть отдельно.

Султаны Османской империи словно чередовались: Мехмед II, прозванный Фатихом, то есть Воинственным, сумел захватить Константинополь и сделал его своей столицей, переименовав в Стамбул; его сын Баязид предпочитал проводить время в садах гарема в обществе обожаемой жены Гюльбехар и красивых наложниц. Однако, когда против него восстали сыновья, сбросил гаремную негу и расправился с двумя, третьему – Селиму – удалось бежать в Кафу, под защиту крымского хана Менгли-Гирея.

Вот там голубчика и оженити на дочери Менгли-Гирея четырнадцатилетней красавице Хафсе Айше. То ли Менгли-Гирей поручился за зятя, то ли сам султан Баязид остыл, но отец простил мятежного сына и даже доверил ему Трапезунд.

В Трапезунде Хафса родила мужу первенца, названного Сулейманом. Сын взял у обоих родителей лучшее и, что называется, удался. Единственный недостаток, которым попрекали современники Сулеймана, – скрытность, но сама жизнь отнюдь не располагала к откровенности, тем более в его положении.

Довольно скоро выяснилось, что Баязид простил Селима зря, а уж Трапезунд ему доверил и вовсе себе в убыток. Селим, понимая, что отец уже готов уступить трон любимому сыну Ахмеду, решился на новое выступление. Можно сказать, что выбора у него просто не было, потому что новый султан обязательно применил бы закон Фатиха – страшилку османских принцев на много-много лет.

Чтобы объяснить, что это такое, придется вернуться к прапрадеду Сулеймана Мехмеду Фатиху. Озаботившись проблемой передачи власти после смерти султана и возможностью возникновения гражданской войны в стране, что неминуемо привело бы ее к развалу, султан Мехмед принял соломоново решение и даже получил на него согласие высшего духовенства. Дабы никто не посмел претендовать на власть, кроме того, кто получил ее по наследству, новый султан имел право казнить всех мужчин, чье родство позволяло на эту власть претендовать.

Проще говоря, новый султан безо всякой жалости уничтожал всех братьев, племянников и дядей с их родней мужского рода, оставаясь единственным, кроме собственных сыновей, кто мог называть себя султаном. Знаменито выражение Мехмеда Фатиха: «Лучше потерять принца, чем провинцию». Собственно, закон Фатиха можно сформулировать кратко: любой, кто посмеет посягнуть на власть султана, должен быть казнен, независимо даже от степени родства с самим султаном.

Нет человека – нет проблемы, так было всегда. Сын Мехмеда султан Баязид так и поступил, ему, правда, не удалось добраться до брата Джемма, тот сбежал в Европу и долго подвизался у папы римского Александра Борджиа. Видно не желая смерти брата, Баязид даже платил папе немалые суммы на содержание именитого нежеланного гостя. Но в конце концов расправились и с султаном Джеммом. Оставались где-то затерянными его сын и внук...

Для Селима и его сыновей, в том числе подросткового Сулеймана, закон Фатиха означал, что, как только Ахмед придет к власти, они будут уничтожены, как и все остальные родственники. Селима совершенно не устраивало такое развитие событий, и он принял превентивные меры. Заручившись поддержкой и деньгами тестя, снова поднял мятеж против отца, на сей раз куда более успешный – деньги помогли подкупить янычар и многих воинов из армий остальных претендующих на престол братьев (того же Ахмеда).

Мятеж удался и привел к взятию без боя Стамбула и отречению Баязида от трона в пользу Селима. Баязид попросил отпустить его в родовое имение под Эдирной (прежней столицей Османов) на покой, но, конечно, туда не доехал. Приступы разных болезней частенько случа-

ются очень кстати, так произошло и с Баязидом: скрутила бедолагу непонятная хворь в Чорлу, там и отправился к праотцам.

Следом Селим поодиночке расправился с двумя братьями, казнив заодно все их потомство, вплоть до младенцев в люльках.

А потом пришлось так же поступить и с собственными сыновьями, в свою очередь поднявшими мятеж против отца, – их тоже казнили вместе с потомством. Остался один Сулейман, правивший во время всех этих разборок между родственниками в Кафе.

К 1512 году, когда Селим наконец стал султаном (его, кстати, прозвали Явуз – «Грозный») родственников, способных помешать его власти, кроме Сулеймана, не осталось. Единственного наследника новый султан перевел из Кафы в Манису, чтобы там осваивал премудрости правления. Никто не может знать своей судьбы заранее, Селим был младшим сыном Баязида, а Сулейман – младшим сыном самого Селима. Хафса рожала еще сыновей, но они не выживали. Власть передается старшим, но вот поди ж ты...

Сулейман правил Манисой восемь лет – те самые, что у власти в Стамбуле находился его отец, султан Селим. Хафса Айше всегда была рядом с сыном, как и полагалось хорошей матери. Сам Сулейман уже получил прекрасное образование, завоевал любовь приближенных, завел себе друга – раба по имени Ибрагим – и даже обзавелся потомством. Наложница Фюлане еще в Кафе родила ему сына Махмуда, в Манисе еще две наложницы – Гульфем и Махидевран – тоже подарили по сыну.

Жизнь складывалась удачно: в Манисе Сулеймана любили, рядом разумная мать, красивые возлюбленные, трое сыновей – Махмуд, Мурад и Мустафа – и верный друг Ибрагим. Соперников в борьбе за трон нет – отец постарался, уничтожив всех; того, что родится еще кто-то из сыновей, можно не опасаться – султан Селим потерял интерес к женщинам, а юноши, как известно, сыновей не рожают...

В 1520 году, когда Сулейману шел двадцать шестой год, султан Селим, отложив поход на Белград на следующее лето, решил отправиться на отдых в то самое имение под Эдирной, куда не доехал его отец Баязид. Но добраться тоже не смог, внезапная болезнь скрутила султана... в Чорлу. Промучившись несколько недель, Селим последовал за отцом. Соперничать с Сулейманом за престол было просто некому, но смерть султана Селима все же скрывали, пока не известили Сулеймана.

Началось сорокашестилетнее правление султана Сулеймана, прозванного европейцами Великолепным, а подданными Кануни, – эпоха наивысшего расцвета Османской империи.

Это вообще была удивительная эпоха, когда в Европе, очнувшейся после многовекового сна, правили молодые честолюбивые монархи:

– Габсбурги – императоры Великой Римской империи Карл V (справедливо претендующий на звание «Великий» подобно его предку Карлу Великому) и его брат Фердинанд I Габсбург;

– сын Карла Филипп Испанский (это его детище – Эскориал, и его помощник – герцог Альба, и аутодофе с кострами инквизиции тоже его);

– постоянные соперники Габсбургов французская династия Валуа: «король-рыцарь» Франциск I (на его руках умер великий Леонардо да Винчи) и его сын Генрих II, женатый на знаменитой Екатерине Медичи;

– английские Тюдоры – Генрих VIII, с легкостью отправлявший на эшафот неугодных жен, и его дети: неприметный король Эдуард, королева Мария, прозванная Кровавой, и знаменитая королева-девственница Елизавета I, за посягательство на свой трон казнившая свою родственницу шотландскую королеву Марию Стюарт;

– царь Московии Иван IV Васильевич Грозный, в представлении не нуждающийся;

Европейским современником Сулеймана был Мартин Лютер, с которого началась Реформация.

Творили или только что закончили свой жизненный путь великие Леонардо да Винчи, Сандро Боттичелли, Иероним Босх, Альбрехт Дюрер, Рафаэль Санти, Андреа Верроккьо, Микеланджело Буонарроти, Вечеллио Тициан...

В Персии еще правил шах Исмаил, а в Индии – Великий Могол Акбар...

Как видите, компания у Сулеймана подобралась блестящая, да и сама Европа жила полной, хотя и не всегда праведной жизнью. Осваивался Новый Свет – недавно открытая Америка, оттуда привозили не только золото, но и новые продукты, прежде всего табак, без которого Турция со своими знаменитыми кальянами уже немислима.

Начался период Реформации, когда идеи Мартина Лютера захватили умы европейцев и инквизиции приходилось попросту выжигать «ересь» на кострах.

Шел активный передел мира, вернее, торговых путей, и не принять в нем участие огромная империя, лежащая между Западом и Востоком, просто не могла, а такой султан, как Сулейман, стремившийся в Европу и считавший себя европейским монархом, тем более.

Европейцы восшествию на престол Османов Сулеймана обрадовались. Его отец Селим имел прозвище Явуз – Грозный, которое вполне оправдывал, начав расширять владения османов в Европе, для Европы Селим был «Страшным турком».

О Сулеймане венецианский посланник доносил своему дожу:

«...Он всего двадцати пяти лет от роду, высокий, стройный, но плотный, с тонким и худощавым лицом... Султан выглядит дружелюбным и обладает хорошим чувством юмора. Ходят слухи, что Сулейман вполне соответствует своему имени, обожает читать, весьма умен и проявляет здравомыслие...»

Имя Сулейман – это вариант имени Соломон.

Европа радовалась, что после хищного волка на османский престол взошел мирный ягненок. Знать бы ей, как скоро одно имя этого «ягненка» будет повергать в трепет добрую половину европейцев!

Сулейману удавалось все: и завоевательные походы (пока не столкнулся в лоб с объединенной Европой в лице императора Карла), и законодательная деятельность в своей стране, и мудрое правление, и поэзия, и любовь... Все, за что бы ни брался Сулейман, действительно выходило великолепно: огромная империя, одна из самых больших в свое время, мощный флот, владычествовавший на Средиземном море, строительство, поражавшее современников своим размахом и блеском, недаром появилось название «Блестящая Порта». Даже его стихи под именем Мухибби и ювелирные изделия выходили прекрасными...

Единственное, чего так и не смог добиться от своих европейских современников Сулейман Великолепный, – принятия в этакый клуб европейских монархов. С ним заключали союзы, когда этого требовала ситуация, например, французский король Франциск, но с легкостью об этих договорах забывали, если надобность в союзе отпадала. Так же короли поступали и между собой, но для них всех Сулейман все равно оставался «этим турком».

Сулеймана не зря называют Великолепным и Кануни, эти два эпитета словно подчеркивают разное восприятие правления султана европейцами и самими турками, а также две части его правления.

Первая часть будто внешняя – султан ходил в завоевательные походы, большинство из которых блестяще удались, вел жизнь, словно выставленную напоказ, с роскошными приемами, праздниками, парадными выездами, что дало повод назвать его Великолепным, а Порту Блестящей. Блеск во всем – вот что отличало первые шестнадцать лет правления Сулеймана, до самой казни его любимца Ибрагима Паргалы.

Вторая – без Ибрагима – стала иной. Следующие тридцать лет султан вел спокойную жизнь законодателя, правителя, который больше печется о благополучии простого крестьянина или горожанина, чем о впечатлении, которое произведет на иностранных послов. Блеск завоеваний и приемов был оставлен в прошлом, пришло время трудиться для своей страны.

Какая из частей лучше и полезней? Ответить нельзя, многие последующие успехи и спокойствие тоже были заложены при Ибрагиме, но, продолжай Сулейман дальше попытки завоевать весь мир, не потерпел бы он крах вообще, утащив за собой на дно и империю? Не случилось, блеска и военных завоеваний хватило и тех, что были при Ибрагиме, а развернувшееся вместо военных походов строительство породило новый, такой узнаваемый стиль с взметнувшимися вверх шпилями минаретов. Многочисленные школы и больницы, мечети и рынки, каналы, фонтаны, дворцы, дома для паломников прославили Сулеймана не меньше, чем завоевания в Европе, которые в конце концов Турция все равно потеряла.

В первой части правления на планы и помыслы султана влиял Ибрагим-паша, во второй – Роксолана. Что лучше, а что хуже? Бог весть... Без первой половины не было бы второй и эпитета «Великолепный», без второй – доброй славы в собственной стране и эпитета «Кануни».

В свой первый поход Сулейман ушел уже летом следующего года, как и планировал отец, – на Белград. И ему удалось свершить то, что не получилось у грозного отца и воинственного деда: Белград был взят, к вящему ужасу всей Европы. Османы получили контроль над большей частью Дуная.

Европа притихла, не зная, чего ждать от «ягненка», который оказался волком. Дунайские владения Сулеймана создавали прекрасный плацдарм для нападения на Австрию, никто не сомневался, что следующими будут Буда и Вена. Правда, тут же раздались голоса проповедников, возопивших: «Ага! Вот и пришли турки – возмездие Божье за грехи наши!» Христиане разделились на тех, кто полагал, что от возмездия тоже не мешало бы обороняться, и тех, кто призывал покорно принять кару Господню. Но в приходе этой «кары» следующим летом не сомневался никто.

Но Сулейман удивил всех, он не стал вести новый завоевательный поход против Венгрии (Белград тогда входил в ее состав), а отправился захватывать... Родос. Крепость рыцарей-госпитальеров считалась неприступной, корабли родосских рыцарей не давали покоя турецким судам, направлявшимся в Аравию.

Осада была долгой и тяжелой, но Родос взят. Сулейман предложил рыцарям почетную капитуляцию и отпустил всех, даже не отобрав оружия. Казнили всего двоих: сына султана Джема (брата султана Баязида, сбежавшего в Европу и жившего у папы римского) и его малолетнего сынишку. Сулейман выполнил закон Фатиха – уничтожил последних возможных претендентов на трон.

Госпитальеры восхищенно рассказывали, что султан твердо держал свое слово. Казнь маленького мальчика их не касалась, это были внутренние разборки Османов.

Первые же военные кампании султана Сулеймана показали Европе, что «ягненок» умеет и воевать, и просчитывать ситуацию куда лучше прежних «волков». Сулейман показал себя умелым полководцем.

За это время в гареме эпидемия оспы унесла жизни двух старших сыновей – Махмуда и Мурада, остался только сын Махидевран Мустафа и новорожденный малыш Роксоланы Мехмед. Обоих отец назвал Vali Ahad – наследниками престола, как и полагалось.

Весной следующего года Роксолана родила дочь Михримах, принцессу, на всю жизнь ставшую отцовской любимицей и помощницей обоих родителей.

Осенью того же года издал свой первый крик сынишка Роксоланы Абдулла, проживший всего четыре года, его тоже унесла страшная оспа. Роксолана рожала детей одного за другим, чем приводила остальную гарем в отчаянье.

В следующем году Стамбул потряс бунт янычар.

Дело в том, что янычары всегда играли большую роль в государстве османов, дворцовая гвардия могла сажать султанов на трон и считала себя вправе свергать их. Именно янычары сказали последнее слово в споре Селима с его отцом Баязидом, привели Селима к власти и теперь полагали, что его сын просто обязан всячески задабривать грозных воинов. Но сам Сулейман так не считал и предусмотрительно набрал новую гвардию – бостанжиев, которые формально считались садовниками, то есть охраной султанских садов. По сути, Сулейман передал охрану своей семьи именно бостанжиям.

Это было последней каплей для янычар, те «перевернули котелки». Был у янычар такой действенный прием: когда пара тысяч мужчин разом начинают стучать ложками о днища своих котелков и большими черпаками по днищам больших котлов, такой грохот вводит в состояние паники даже самых стойких. Стамбул запаниковал сразу, но самого султана в городе не было, он охотился, потому, не получив выхода своей энергии, янычары отправились... что обычно делают те, у кого некуда девать лишние силы? Янычары принялись громить рынки Стамбула и дома богатых жителей.

Больше всего досталось огромному дворцу Ибрагима-паши на площади Ипподром, этот дворец Сулейман подарил другу в честь их свадьбы с султанской сестрой Хатидже-султан. Самого Ибрагима-паши в Стамбуле тоже не было, он умирал решившего отделиться правителя Египта, вернее, правителя уже усмирили без Ибрагима, а тот только проводил необходимые репрессии и собирал недоданную дань.

И снова Сулейман поступил мудро: он не стал штурмом брать фактически захваченный янычарами город, позволив им излить свое раздражение и немного остыть, потом появился в Стамбуле как ни в чем не бывало, пришел к янычарам почти без охраны, без долгих разговор просто отсек мечом голову первому, кто попробовал сказать хоть слово, и... все восстание сдулось, как дырявый воздушный шарик.

Сулейман разобрался с бунтовщиками достаточно жестко, казнив большую часть офицеров, но выводы сделал: если есть армия – она должна воевать, от безделья большое количество вооруженных людей превращается в угрожающую массу, способную разрушить все вокруг. Пока армия не преобразована, нужен новый поход. Естественно, в Европу.

К этому решению Сулеймана подтолкнули события в самой Европе.

Очередное столкновение постоянно воевавших между собой Карла Габсбурга и Франциска Валуа привело к полному разгрому французов под Павией и пленению самого Франциска. Интересно, что это событие произошло в двадцать пятый день рождения Карла Габсбурга. Но пленив короля Франции, Карл сам себе организовал головную боль, осложнившую жизнь надолго.

Царственного пленника до его выкупа полагалось держать в соответствующих условиях. Пришлось Карлу забирать неудачника Франциска в Мадрид, о чем он позже не раз пожалел. Франциск не зря называл сам себя королем-рыцарем, он действительно был по-рыцарски бесстрашен (в плен попал только потому, что под ним убили одну за другой двух лошадей), красив и по-рыцарски же галантен и любвеобилен.

Неотразимое обаяние французского короля оказало ему услугу, в царственного пленника влюбилась вдовствующая сестра императора Карла Элеонора. Отвергнув запланированное братом замужество с другим, Элеонора добилась освобождения Франциска взамен на обещание жениться на ней. Французский король к тому времени как раз овдовел, его супруга Клод Французская, женитьба на которой и принесла в свое время Франциску корону, умерла (не вынесла разлуки с мужем?).

Страстно желая выбраться из не слишком обременительного, но все же плена, Франциск был готов обещать что угодно, но Карл оказался более практичным, он потребовал от французского короля жестких обязательств: жениться на Элеоноре, выплатить огромный выкуп за себя и до выполнения этих условия прислать в качестве пленников сыновей. Король-рыцарь «подмахнул» договор, не вчитываясь в него, но стоило оказаться в Париже, заявил, что он недействителен, так как заключен под давлением. То, что в плену у Карла остались двое маленьких сыновей, Франциска волновало мало.

Несчастливая Элеонора оказалась в крайне неловком положении: жених, освобождения которого она так рьяно добивалась, становиться мужем не желал, это был позор на всю Европу. Карл взъярился не на шутку и пообещал лично кастрировать Франциска, если тот не выполнит данное обещание.

Но галантный король обманул не только своего победителя. Еще находясь в плену, он исхитрился через мать переправить письмо султану Сулейману с просьбой о помощи, приложив в качестве подтверждения серьезности своего положения большущий перстень.

Однако посольство пленного короля отправилось к османскому султану через владения Габсбургов, было задержано и уничтожено (возможно, даже на границе Венгрии турками), однако письмо и перстень попали в руки Ибрагиму-паше. Паша перстень надел на палец, а письмо... Никто не знает, где оно.

К османскому султану отправилась еще одна делегация с криком о помощи, теперь уже от имени матери французского короля. Она оказалась хитрей, и на сей раз письмо до Стамбула добралось зашитым в подошву сапога синьора Франжипани, представителя флорентийской банкирской семьи. Итальянский банкир подозрения у противников французского короля не вызвал, письмо сумел передать, правда, было уже поздно. Нет-нет, король остался жив и даже все еще не женился, но он уже вернулся в Париж и в помощи не нуждался.

Однако для султана Сулеймана это письмо оказалось весьма кстати, османские войска в то же лето отправились наказывать... Венгрию за плен короля Франциска.

Вообще-то юный король Венгрии Лайош имел некоторое отношение к Габсбургам: он был женат на сестре Карла, а брат Карла Фердинанд Габсбург, в свою очередь, был женат на сестре Лайоша. Такая тесная родственная связь с могущественными Габсбургами не помогла бедному Лайошу, родственники не пришли на помощь Венгрии.

А потому был Мохач и поле под Мохачем, на котором погибла почти вся сборная армия венгров и цвет венгерской аристократии, и болото, в котором утонул сам король Лайош, храбро сражавшийся, но слишком неопытный. Битва под Мохачем была выиграна буквально за полтора часа, хотя венгры сопротивлялись отважно.

После этого столица Венгрии Буда сдалась без боя. Страна была разорена, погиб каждый десятый житель. Во власти Фердинанда Габсбурга осталась лишь узкая полоска вдоль границы с Австрией.

Среди захваченных ценностей дворца венгерских правителей оказалась богатейшая (тогда она была второй по величине в Европе после библиотеки Ватикана) библиотека короля Матиаша Корвина. Собрание Матиаша Корвина отличалось от ватиканского тем, что было светским и содержало много работ античных авторов.

Султан не аннексировал Венгрию, предпочитая посадить там Яноша Запольяи, который на поле под Мохачем «опоздал» и потому остался цел. Повинуясь указанию османского султана, венгры выбрали королем Запольяи, который обязался платить Османской империи большую дань.

После гибели короля Лайоша на его трон имели право супруга Мария Габсбург и сестра Анна Ягеллонская, жена Фердинанда Габсбурга. Часть земель, королем которых был Лайош, например Моравия, признали права Анны Ягеллонской и ее мужа Фердинанда, а часть решили, что турки страшней, и выбрали Яноша Запольяи. Началось долгое противостояние Габсбургов и Османов, страдала от него территория, которую делили, – Венгрия.

Конечно, Фердинанд не собирался сидеть на окраинах Венгрии, он жаждал получить то, что считал своим. Но и Сулейман уступать не собирался. Предстояла схватка за Вену.

Но схватки не получилось, в 1526 году Сулейман выступил в поход на Вену, потому что весна была поздней и мокрой, разлившиеся от дождей реки никак не могли войти в свои берега, округа подсыхала очень медленно. К Вене добрались только в сентябре, но город запер ворота, приготовившись к длительной осаде. Шли день за днем, неделя за неделей, приближались холода, а взять Вену не удавалось. Крепостные стены европейских городов были приспособлены к длительным осадам, а времени у Сулеймана не было, и он принял решение вернуться домой.

Разграбили все, что смогли, военная добыча оказалась огромной, войско было довольным, а сам султан нет, потому что главное, за чем приходили, не выполнено: он не смог взять Вену, как когда-то его отец не взял Белград.

Сулейман не знал одного: осада Вены османами вызвала в Европе такую панику, с какой мог сравниться только конец света. Габсбурги не сомневались, что Сулейман придет на следующее лето и этого никак нельзя допустить. В Стамбул отправилось посольство Фердинанда, но вместо замирения умудрилось нахамить Великому визирю Ибрагиму-паше.

Фердинанд, решивший, что Габсбургам все можно и погода будет помогать вечно, надменно потребовал от султана вернуть все завоеванные ранее города, выплатить материальный и моральный ущерб и обещать впредь вести себя прилично. А в качестве конфетки против горечи пилюли обещал... выплачивать Сулейману некое пособие от Габсбургов, так, на карманные расходы... но все же.

Посланников принимал Ибрагим, у которого хватило чувства юмора поинтересоваться: где же был «хозяин Венгрии» Фердинанд Габсбург, когда они приходили в его земли? Разве не должен сюзерен защищать своих подданных?

Наглецов отправили обратно ни с чем.

Однако результат был в пользу Габсбургов – на следующий год Сулейман на Вену не пошел.

Он занялся флотом, справедливо рассудив, что захваченные земли нужно постоянно охранять или отбивать у противника. Османская армия не могла ходить в походы в любое время года, прежде всего потому, что зимой нечем кормить лошадей. Это справедливо не только для турок, но и для любой армии того времени, все военные операции ограничивались периодами хорошей погоды – и потому, что через снега не пробиться, и потому, что нечем кормить лошадей, и потому, что ночевать в сугробах людям тоже не слишком комфортно.

Султаны уводили в походы на север, в Европу, свои армии весной и возвращались к осени. Потому и ждать их нужно было тоже в это время года.

По морям в любое время тоже не походишь, Средиземное море очень капризно в периоды штормов, даже имея подробную карту ветров, лезть на рожон опасно. Но все остальное время нужно просто доплыть до моря, после взятия Родоса в южной части османским судам стало

много проще, но в восточной части всю хозяйничали венецианцы, а по всему морю – пираты всех мастей и национальностей.

И Сулейман решил поставить пиратов себе на службу. Это была инициатива Ибрагима, которую султан одобрил. И они добились своего, постепенно построили мощный флот, признанного главу большого пиратского сообщества Хайрадина Барбароссу Сулейман сделал своим капудан-пашой, доверив пирату новый флот, и добился того, чтобы Средиземное море стали называть Османским озером. Конечно, не скоро, конечно, понадобилось много денег и сил, много упорства, но ведь удалось же! Турки долго хозяйничали на большей части акватории Средиземного моря, наводя ужас на всех, кто рисковал пуститься в дальнее плавание, и на тех, кто жил на побережье.

А на Вену Сулейман все же пошел, вернее, не на саму Вену, а в земли Фердинанда.

Угроза нового османского нападения так испугала европейцев, что они... сплотились, чего раньше никогда не бывало! Нет, сплотились не короли, хотя Карл уже добился своего и заставил-таки Франциска жениться на Элеоноре, о чем несчастная женщина очень быстро пожалела. Король-рыцарь вел себя по-рыцарски со всеми, кроме нее, не считая нужным порвать со своими двумя любовницами.

Но французский король вовсе не намеревался помогать новым родственникам в их противостоянии с османами, напротив, использовал его, чтобы ослабить Карла Габсбурга. А тут еще Мартин Лютер со своими проповедями!..

Но Карл сумел наступить себе на горло, чтобы не приказать попросту сжечь на костре строптивного монаха, нет, ему было нужно спокойствие в немецких городах в тылу, потому все обвинения с Мартина Лютера были сняты. Прочувствовав важность момента, строптивный монах принялся призывать своих сторонников встать плечом к плечу против турок. Удалось, оружие в руки взяли даже те, кто недавно желал гибели самим Габсбургам.

А потом было непонятное многим, но великое по сути противостояние войска императора Великой Римской империи Карла V Габсбурга и султана Османской империи Сулеймана. Сулейман до Вены не дошел, прекрасно сознавая, что на долгую осаду у него ни времени, ни ресурсов нет, а растянувшись кольцом вокруг города, он тут же подставит свои позиции под удар, поскольку Карл со своим войском находился вне Вены.

Император пытался приманить султана к стенам Вены, чтобы ударить со стороны. Султан пытался выманить императора на равнину для открытого боя, осаждая мелкие крепости. Не удалось осуществить свои планы ни тому ни другому, оба прекрасно поняли замысел противника и на поводу не пошли. Обойдя Вену с запада, основательно разорив округу и милостиво оставив в покое крошечные крепости, которые якобы осаждал, Сулейман отправился обратно, чтобы его армию в горах не застали октябрьские дожди и на равнине – непролазная осенняя грязь.

Европа несколько месяцев не могла выдохнуть, но не от страха, а от изумления. Собранная огромная армия Карла, так и простояв без действия, тоже разбрелась по домам. Ощущения победы не осталось ни у тех, ни у других, что позволило обеим сторонам приписать ее себе.

Фердинанд и Карл прислали каждый от себя послов, теперь уже безо всякого хамства и нелепых требований. Более того, Фердинанд просил... принять его в большую семью султана и называл себя его сыном, в витиеватых выражениях заверяя, что просто не подозревал о присутствии Сулеймана в своих владениях, иначе лично встретил его со всем почетом и так же лично передал ключи от всех городов, каких тот ни пожелает. И это не было насмешкой или ерничеством, Европа действительно была напугана напором с Востока и действительно боялась турок.

Сулейман обещал мир Фердинанду, как владельцу земель рядом с «дружественной» Венгрией, с насмешкой напоминал, что второй раз не застает «сына» в Вене, которая якобы при-

надлежит ему, но гарантирует мир до тех пор, «пока его будет соблюдать сам король Фердинанд». В общем, стоило Фердинанду хоть глазом косо повести в сторону Венгрии, у султана появлялся повод предпринять новый поход, причем весьма неожиданно.

Карлу в мире Сулейман отказал, мотивируя обидами, нанесенными своему союзнику – французскому королю. Это было непонятно сразу, но прояснилось потом. В Венгрии Карл Сулейману более не был опасен, тем более султан решил прекратить сухопутную экспансию в Европе, а обещав мир вообще, он лишил себя возможности воевать совсем в другом месте – на море и в северной Африке.

Все время, пока султан ходил в походы и занимался внешней политикой, в его собственном доме текла жизнь не менее бурная, чем вне гаремных стен.

После первого блистательного похода на Белград дома его ждала черная весть: от оспы умерли два старших сына – Махмуд и Мурад. И светлая: его любимица Хуррем родила сына Мехмеда.

Теперь Роксолану следовало удалить от султана, вернее, оставить во дворце с ребенком жить на правах кадины. Это, конечно, был невиданный взлет – из рабынь прямо в икбал и сразу в кадины. Везет же некоторым!

Но оказалось, везение не закончилось, потому что султан не собирался удалять от себя зеленоглазую славянку, он снова взял Роксолану на ложе. Скандал! Тем более эта везучая снова забеременела, чего не удавалось никому другому, словно всего себя Сулейман берег только для нее.

Он ушел на Родос, она в день весеннего равноденствия родила дочь Михримах. Раньше срока, крошечную, но живучую.

Гарем радовался: ну, теперь-то все! Ничто не радует так, как неприятность соседа, особенно если тот везучий. Никто же не считает чужое везение заслуженным, другое дело – свое, оно всегда заработано честным... пусть не трудом, так хоть существованием. А чужое – всегда по ошибке фортуны. Эта дама ошибается слишком часто, вы не находите?

Когда и после рождения дочери султан оставил Роксолану при себе, гарем убедился в слепоте фортуны вполне. А она в том же году родила очередного сына.

Будь фортуна досягаема, ее непременно поколотили бы в гареме Сулеймана, но за неимением такой возможности оставалось шипеть на везучую выскочку. Чем больше Сулейман Роксолану любил, тем сильнее гарем ее ненавидел.

В гареме Сулейман ничем помочь возлюбленной не мог, султан, конечно, хозяин и правитель, и все в гареме его рабы, но не всегда рабы подчиняются воле властелина. На то гарем и гарем, чтобы лишать своего хозяина разума.

Сулеймана не лишили, он продолжал жить как жил, – любить свою Хуррем и рожденных ею детей (особенно очаровательную принцессу Михримах, Мехмед сильную отцовскую любовь завоюет позже, когда покажет свои способности), ходить в походы, охотиться, писать стихи и вести дневник.

Давно махнув рукой на Франциска как на союзника, Сулейман занялся восточной проблемой – Персией.

С Сефевидами воевали все Османы, в том числе и отец Сулеймана султан Селим. Ему достался самый неудобный противник – шах Исмаил, не менее грозный, чем сам Селим. Но почти одновременно с Сулейманом на престол взошел шах Тахмасп. Тахмасп был совсем юн – всего десяти лет от роду, но его поддерживали кызылбаши – красношапочники. И правили за Тахмаспа сначала тоже они.

Сефевиды боролись с Османами за южные и юго-восточные территории империи, прежде всего за Багдад (Персия и без Багдада?! Непорядок!), который частенько переходил из рук в руки.

Военная стратегия Тахмаспа приводила Сулеймана и его верного Ибрагима в бешенство, сефевидский шах не принимал открытого сражения, норовил что-то захватить, обождать до нитки, а при малейшем намеке на подход сильной османской армии исчезнуть из поля зрения. Прими он бой, наверняка был бы побит, с тогдашней османской армией мало что могло сравниться, турки чалмами могли закидать.

Хуже всего, что кызылбаши – шииты и без зазрения совести разрушали суннитские святыни (впрочем, сами шииты в том же обвиняли суннитов). Сулейман как защитник веры и по велению совести допустить этого не мог. Багдад нужно было вернуть не только ради правления и налогов, но и ради спасения суннитских святынь.

В первый поход Сулейман отправил Ибрагима-пашу, который перед тем крайне неудачно дважды возглавлял армию в походах на Вену. Султан давал другу возможность реабилитироваться как полководцу. И почти сразу об этом пожалел, потому что Ибрагим вместо того, чтобы, как было поручено, идти на Багдад и навести порядок там, послушал вредный совет дефтердара (главного казначея) – своего бывшего тестя и нынешнего почти врага Скандера Челеби – и отправился на восток, чтобы захватить сефевидского шаха в его собственной вотчине Тебризе.

Самонадеянность Ибрагима на сей раз подвела, шах применил ту же тактику, что и прежде: бросил столицу, зато сохранил армию. Разорение Тебриза Ибрагиму ничего не дало, зато снабжение армии было нарушено (или не организовано все тем же Челеби), что привело к голоду, многочисленным потерям людей и животных. А шах времени зря не терял, отдельные отряды его армии постоянно наносили точечные удары по противнику, не давая покоя. Партизанская война, даже в исполнении шахов, штука весьма действенная.

Разъяренный неудачей, Ибрагим обвинил во всем Челеби, нашел доказательства его воровства (интересно, бывают не ворующие интенданты?) и своей властью казнил дефтердара. Главный казначей перед смертью решил отомстить визирю и написал на имя султана письмо, в котором признавался в содеянном, но утверждал, что Ибрагим был с ним заодно. Грехов перечислял много, слишком много, чтобы быть правдой, однако считалось, что человек перед смертью лгать не может, а о самом письме узнали слишком многие, чтобы султан мог от него отмахнуться.

И четверти обвинений вполне хватило, чтобы отправить самого Ибрагима вслед за Челеби, не говоря уж о трудном положении, в которое визирь поставил армию, и нелепом, в которое загнал самого Сулеймана.

Пришлось султану садиться в седло и отправляться самому возвращать Багдад и суннитские святыни, а потом идти к Тебризу на выручку Ибрагиму. А тут еще письмо Челеби и приказы, которые во время похода Ибрагим подписывал как... султан!

К последнему можно относиться двояко. На Востоке султан каждый второй – у кого есть маленькие владения, независимые (не очень зависимые) от других, тот и султан, потому ничего страшного в подписи не было... бы, подписывай Ибрагим таким образом что-то, не будучи на службе у Сулеймана.

Даже освобожденный раб (а Ибрагим был именно таким) на службе у султана все равно раб и ставить свою подпись, называясь султаном, – это посягательство на власть. Помните закон Фатиха? «Любой, кто посягнет на мою власть, должен быть убит, будь это даже мой брат».

Вариантов формулировок много, суть одна: власть неделима ни в каком виде, и любой, на нее хоть как-то посягнувший, должен быть уничтожен.

Надо сказать, что это была не первая попытка Ибрагима поставить себя вровень с султаном.

Кто же такой этот Ибрагим Паргалы и почему он считал себя вправе так заноситься?

Ибрагим, вернее, Георгидис, родился в 1493 году в небольшом греческом городке Парга. Городок рыбацкий и поныне, но отец мальчика нашел возможность обучать его игре на скрипке, видно надеясь, что это поможет ему заработать на жизнь лучше, чем рыбная ловля. Не прогадал.

В шесть лет Ибрагим то ли был захвачен на берегу добрыми молодцами бейлербея Боснии Искандера-паши, то ли попросту забран из родного дома по девширме (мальчиков с подвластных Стамбулу территорий забирали в столицу кого для обучения в школе, кого в будущие янычары). Видно, Искандер-паша любил скрипичную музыку, потому что оставил мальчика у себя, а потом подарил шех-заде Сулейману. К этому времени Георгидис уже принял ислам и сменил имя на Ибрагим.

Есть другая версия. То есть сначала все так, но после пленения Искандером-пашой была дворцовая школа, дававшая, кстати, блестящее образование, богатая вдова, не жалевшая денег на обучение своего фаворита игре на скрипке, и, конечно, Сулейман.

Как бы то ни было, Ибрагим стал рабом Сулеймана, когда тот еще не был султаном. Ибрагим Паргалы, то есть Ибрагим из Парги, был на год старше принца и стал не просто его другом, но в чем-то даже наставником. Умный, блестяще одаренный, легко схватывающий любые знания, прекрасный организатор, он помимо своего родного греческого быстро освоил французский, итальянский, арабский, персидский и сербский языки, разбирался в математике, был отменным экономистом (помните, у Пушкина: «... Умел судить о том, чем государство богатеет и чем живет и почему не нужно золото ему, когда другой продукт имеет?»), хорошо играл на скрипке и обладал еще многими достоинствами.

Такой друг и наставник, который умел все предусмотреть и узнать раньше, чем у Сулеймана появлялась необходимость в данном знании, советчик и помощник был просто золотой находкой для шех-заде. Они были неразлучны с семнадцати лет, и Ибрагим всегда хорошо влиял на своего царственного приятеля.

Разве мог Сулейман, став султаном, не забрать Ибрагима с собой? Он дал другу свободу и назначил его хранителем султанских покоев – видно, никому другому свою безопасность и безопасность своих близких доверить не мог.

Тогда-то Ибрагим и подарил Сулейману не замеченную им сначала необычную рабыню Роксолану, вероятно сам получив ее в подарок от кого-то из Кафы. Почему не оставил себе, остается загадкой, но так случилось. Они с Роксоланой вполне стоили друг друга, и Сулейману просто повезло, что ему встретились два таких человека, а им очень повезло, что были рабами Сулеймана. Эта троица могла горы свернуть, но, к сожалению, двое боролись друг с другом, а не против остальных.

Бывший раб Ибрагим сделал при дворе Сулеймана сногшибательную карьеру. Даже если забыть, что он бывший раб, восхождение от простого приятеля шех-заде через хранителя покоев сразу в Великие (Первые) визири достойно изумления.

Ибрагим, как умный человек, прекрасно понимал, что чем выше поднимешься, тем ниже можно упасть, а потому искренне просил друга не назначать его своим Великим визирем. Нетрудно было предвидеть шквал зависти сродни той, что вызвало возвышение Роксоланы в гареме.

Сулейман в ответ обещал, что не снимет его с должности по капризу и не казнит, пока жив сам. Дело в том, что при предыдущих правителях Великие визири редко заканчивали жить

в покое и тепле, чаще всего их ждала плаха. При султানে Селиме даже было популярно такое проклятье: «Чтоб тебе быть визирем у султана!» Отставка очень часто означала смерть.

Назначение состоялось, и во главе империи рядом с султаном встал его друг – бывший раб грек Ибрагим-паша Паргалы.

Неудивительно, что в умного и красивого бывшего раба, ставшего вдруг Великим визирем, влюбилась сестра султана Хатидже-султан. Состоялась роскошная свадьба, султан подарил сестре с зятем огромный дворец на площади Ипподром.

Ибрагим был рядом с Сулейманом-султаном шестнадцать лет, которые словно делятся надвое. Сначала очень успешный полководец и деятель, счастливый муж и блестящий царедворец, потом – все наоборот.

Первые походы Сулеймана (и Ибрагима с ним) были успешны – взят Белград, потом Родос. В следующем походе именно Ибрагиму принадлежала идея расстановки войск, обеспечившей быстрый (менее чем за два часа) разгром венгров.

До этого времени Ибрагим успел навести порядок в бунтовавшем Египте и собрать недоданную дань...

Тайно привез оттуда красавицу Мухсине и тайно же поселил в загородном доме...

Наладил тесные связи с венецианским дожем через его незаконнорожденного сына Луиджи Гритти, ставшего драгоманом (переводчиком) у султана.

С помощью венецианцев сумел приобрести навигационные карты Средиземноморья с обозначением розы ветров. Это была очень ценная покупка, карта давала возможность учитывать сильные ветры у северного побережья Африки, что позже пригодилось Хайрадину Барбароссе (знаменитому пирату, ставшему капудан-пашой османского флота у Сулеймана).

Привлек к работе Пири Рейса, создавшего знаменитый атлас морских карт «Книгу морей». Кстати, в его работе утверждалось, что «нечестивец Колумбо» знал, куда плывет, потому что пользовался старинными книгами, а еще в атласе Пири Рейса, помимо двух Америк (!), есть побережье юга Африки и Антарктида без ледового покрова (то есть то, что совсем недавно ученым удалось начертить заново с большим трудом и используя новейшую технику). К сожалению, эта тема у Сулеймана и его умного советчика выпала из поля зрения, хотя они планировали (и позже Сулейман осуществил эту задумку) захватить все побережье Красного моря и поставить опорные пункты в Персидском заливе.

Во время второго венгерского похода за Мохач Сулейман сделал своему другу странный подарок – статуи греческих и римских богов, которые тот привез в Стамбул, в свою очередь удивив стамбульцев. Больше того, статуи вызвали такую волну возмущения, что в пору было возвращать их обратно: «Один свергал идолов, другой их устанавливает!»

Если изначально Ибрагима, считая выскочкой, не любили паши и окружение султана, то теперь добавилась нелюбовь янычар и простого народа. Когда из Египта он привез не столько золота, сколько ожидалось, укоряли, что потратил все на свою роскошную свиту.

Разладились у Ибрагима и отношения с женой – Хатидже-султан, но вовсе не потому, что у той появились проблемы со здоровьем в виде легкого помешательства, как в сериале, а потому, что открылась правда о Мухсине.

Жизнь султанского зятя нелегка, по закону он не имел права держать гарем и даже в походы кого-то брать с собой. Это султану можно содержать сотни красавиц, султанская сестра или дочь должны быть у мужа единственными, другое оскорбило бы нежные чувства Повелителя правоверных к сестре или дочери.

Женившись на Хатидже-султан, Ибрагим был вынужден развестись с первой женой – дочерью того самого Скандера Челеби, которого казнил в походе и который попытался утащить за собой и бывшего зятя, а также распустить гарем (куда девал красоток, неизвестно).

Но удержаться и остаться верным Хатидже не смог, во время похода в Египет завел себе красавицу Мухсине. Была ли та действительно красавицей, бог весть, но дамой была бойкой.

Их переписка не менее интересна, чем переписка султана с Роксоланой. Каких только эпитетов ни придумал Ибрагим для возлюбленной! «Госпожа Повелительница моего сердца», «Госпожа Совершенство-Хатун»...

Сулейман в отношениях мужа и жены занял нейтральную позицию, он не защищал своего друга, но и не наказал его. И Хатидже-султан простила мужа. Почему, мы никогда не узнаем – может, потому, что любила всей душой, а может, просто поняла, что даже ради сестры Сулейман не отторгнет друга, а она, разведясь, останется посмешищем всего гарема.

У них еще родились дочь и сын, но счастье было едва ли, потому что известен фаворит Ибрагима-паши – красивый юноша по имени Джешти-Бали, о котором вездесущие венецианцы доносили, что любовник имеет большое влияние на визиря.

Но ничто не вечно, даже теплые отношения между Сулейманом и его многолетним другом Ибрагимом начали разлаживаться. Их рассорила власть, но считается, что Роксолана.

Эта женщина была виновата в империи во всем просто потому, что завоевала сердце султана с первой минуты и навсегда.

Кто она, женщина, сумевшая околдовать султана?

Сначала коротко о происхождении и судьбе этой необычной женщины, а также о ее детях, чтобы понять, с чего же она начинала и чего добилась.

Яростных споров о происхождении Роксоланы, названной в гареме Хуррем, нет. Анастасия (иногда называют Александрой) Гавриловна Лисовская, уроженка города Рогатин, тогда относившегося к Польше, сейчас к Украине. Судя по отчеству, отец был, как бы мы сейчас сказали, русским или украинцем, но скорее всего русином. Это народность, гордо не относящая себя ни к тем, ни к другим, словно нарочно, чтобы не ввязываться в спор о том, какой национальности была Анастасия Лисовская.

Обычно считают, что Гаврила Лисовский был священником в местной церкви, кем конкретно – неизвестно, да и не столь важно, потому что связь с родным домом Настя потеряла довольно рано.

Датой рождения будущей повелительницы называют 1505 год, точнее назвать трудно. В гарем Настя Лисовская, которую уже прозвали Роксоланой, попала осенью 1520 года, то есть в пятнадцать лет, но до этого была в Кафе в школе наложниц. Как долго? Есть источники, которые называют два года. Это слишком много, выходит, что в плен Настя попала вообще в тринадцать. Конечно, и такое бывало, но утверждают, что ее схватили во время очередного набега те, кто торговал людьми, прямо накануне ее свадьбы.

Это, конечно, просто легенды, потому что нельзя даже точно сказать, действительно ли она из Рогатина. Но, судя по ее собственному интересу к Польше и переписке с польским королем Сигизмундом I, а потом с его сыном королем Сигизмундом II, вполне возможно, что до гарема она все же была польской подданной. Это сейчас Рогатин на Украине, тогда он был польским городком.

В гарем девушка попала в пятнадцать, уже достаточно образованной (значит, версия о школе наложниц в Кафе верна?). Купил ее для себя Ибрагим-паша, выделив необычную девушку среди других. Это вполне возможно, ведь новый султан – это новая администрация, значит, много новых денег и новых приобретений, в том числе и в гаремы. Почувствовав возможность заработать, купцы всех мастей немедленно вывезли дорогой товар на невольничьи рынки.

Проблема вот в чем. Султан Сулейман славился своей ревнивой натурой: будучи еще шех-заде, он даже приказал кастрировать полностью всех евнухов своего маленького гарема в Манисе. Едва ли Сулейман, став уже султаном и имея возможность выбирать, взял бы к себе на ложе девушку, которую на рынке рабов обнаженной видели многие, ощупывали, осматривали, как породистую лошадь.

Всегда существовали закрытые продажи для самых важных клиентов, куда попадали самые красивые девушки, но Настя Лисовская потрясающей красавицей не была, согласно свидетельствам современников, прежде всего иностранных послов, ее прелесть раскрывалась в общении, в блеске ума, в умении очаровать собеседника нежным, как серебряный колокольчик, голосом. Трудно заметить острый ум или умение общаться там, где девушку выставляют напоказ голышом, демонстрируя вовсе не ум, а фигуру, упругость груди, ровные белые зубы и прочее...

Так на каком рынке продавалась Роксолана, когда ее купил Ибрагим-паша? Неужели паша ходил по невольничьему рынку Стамбула, приглядывая красавицу для себя или султана? А может, верна другая версия: Роксолану Ибрагиму просто подарили, потому что в Кафе хорошо помнили его дружбу с новым султаном и понимали, что грек может стать очень важной персоной в империи?

Почему Ибрагим решил передарить ее Сулейману? Мы никогда не узнаем этого, но грек явно не раз пожалел о таком решении. Что-то было между Ибрагимом и Роксоланой такое, что заставило их ненавидеть друг друга (а может, просто бояться?) пятнадцать лет.

Считается, что это из-за влияния на султана, мол, Ибрагим желал быть единственным, к чьим советам прислушивается Повелитель, Роксолана стремилась к этому же. Султана не поделили.

Но они были словно в разных плоскостях, Роксолана при жизни Ибрагима в политику не вмешивалась, да и не имела ни малейшей возможности это делать, а Ибрагим, наоборот, не интересовался ни любовной лирикой, ни делами гарема. Они могли бы продолжать влиять на султана, не пересекаясь и не мешая друг другу, во всяком случае, могли бы договориться и четко разделить сферы влияния.

Однако с первых дней, как Роксолана стала фавориткой, между Ибрагимом-пашой и ней вспыхнула патологическая ненависть (о своей неприязни к визирю и, видимо, его ответной Роксолана упоминала даже в письмах к султану), словно вдвоем на Земле не жить. Почему? Попробуем разобраться позже.

В гареме Настя получила новое имя – Хуррем (или Хюррем), то есть «Дарящая радость», «Смеющаяся». Видно, было что-то светлое и даже радостное во внешности и поведении этой невысокой девочки, что заставило дать такое имя. Хуррем пристроили в вышивальщицы, но ее работа (вышитый платочек) султана не впечатлила, Сулейман не потребовал представить ему Хуррем-искусницу и даже не выразил восторга.

Где и при каких обстоятельствах она попала на глаза султану, неизвестно, но стоит вспомнить, что прелесть Роксоланы становилась заметна при общении, то есть просто увидеть ее в толпе красавиц и вдруг выделить среди всех Сулейман вряд ли мог, не была Настя Лисовская высокой, большеглазой, не обладала пышными формами. И приметить веселую девушку среди тех, кто подавал шербет или вытирал ноги после мытья, тоже не мог, она не состояла в счастливой дюжине обслуживающих султана.

Остается голос, который султан мог слышать и нечаянно. Чистый, звонкий, словно серебряный колокольчик звенит – так описывали его и через много лет иностранные посланники.

– А подать сюда обладательницу чистого голоса!

И не нужно никаких выдумок с платочком, опущенным на плечо, или разыгранным падением в обморок прямо на руки Повелителю. Ерунда, упасть не успела бы, кизляр-ага или ближайший евнух собой султанские руки прикрыли. Султанам на руки в обмороки не грохались, при них вообще не делали никаких резких движений: все спокойно, медленно и церемонно, только как положено. Иное опасно для жизни, причем не султана, а самой наложницы и ее наставников за компанию.

Одна из наложниц была застрелена только потому, что резко дернулась во сне, а султану показалось, что она намерена своего Повелителя задушить. Девушка даже проснуться и понять, в чем провинилась, не успела.

С того вечера, как переступила порог султанской спальни, началась у Насти-Роксоланы-Хуррем совсем другая жизнь.

Сначала рождение шестерых детей – одного за другим. До всеохватного заговора ли ей было, посудите сами:

1520 год, поздняя осень или даже зима, – попала в гарем (раньше никак, раньше сам Сулейман правил в Манисе);

1521 год, весна, – рождение первенца Мехмеда (умер в 1543 году в Кютахье, официально, от оспы, вероятно, был отравлен);

1522 год, март – рождение дочери Михримах, отцовской любимицы, ставшей настоящей помощницей родителей в их делах благотворительности;

1522 год, осень – родился сын Абдулла, умер в октябре 1526 года от оспы;

1524 год – родился сын Селим, следующий султан Османской империи;

1525 год – родился сын Баязид, казнен в июле 1562 года за выступление против султана, пережил мать на четыре года;

1531 год – родился сын Джихангир, умер в ноябре 1553 года.

В 1533 или 1534 году султан Сулейман совершил неслыханное – он даровал свободу Хуррем и женился на ней официально! Мало того, что султаны не женились уже полторы сотни лет, предпочитая иметь наложниц, но никто и никогда не женился на бывшей рабыне, даже получившей свободу.

Историки не могут прийти к однозначному выводу о том, что произошло раньше – эта свадьба или смерть валиде. Мать султана умерла в марте 1534 года, она давно и тяжело болела, Хафса Айше вообще отличалась слабым сердцем, отсюда патологическая бледность и у нее, и у Сулеймана. Март 1534 года – это Рамазан, святой для мусульман месяц, умершие во время Рамазана сразу попадают в рай. Хафса Айше это заслужила, память о ней осталась только хорошая и в Стамбуле, и, особенно, в Манисе.

Практически сразу после окончания Рамазана султан отправился в персидский поход, значит, женился либо сразу после смерти матери, либо действительно при ее жизни, тем самым доконав валиде.

Но как бы то ни было, свадьба состоялась, Роксолана стала женой Сулеймана по шариату, то есть возвысилась на недостижимую для остальных женщин гарема высоту. Это же давало ей право стать главной женщиной гарема. Такого не бывало в Османской империи – чтобы гаремом правила жена, а не мать султана.

Султан провел в персидских походах не один год, постепенно возвращая империи утраченные, в том числе и из-за ошибок Ибрагима-паши, территории и города.

Это ли послужило последней каплей для Сулеймана в принятии решения наказать давнего друга, или просто накопилось столько, что и капли не понадобилось, сразу перелилось широким потоком, захлестнув прежнюю дружбу? По возвращении из похода Сулейман несколько раз приглашал друга поужинать вместе, и однажды труп Ибрагима-паши нашли за воротами.

Не стало главного заклятого врага Роксоланы, но вздохнуть спокойно она не могла – едва ли в гареме вообще можно спокойно дышать.

Росли дети, руки семнадцатилетней Михримах попросил бейлербей (правитель) Анатолии, ставший Третьим визирем Дивана Рустем-паша. Рустему-паше было тридцать девять, и он готов был дать отставку гарему ради блестящих глаз, острого язычка и разумных речей принцессы Михримах.

Сулейман наверняка в душе не раз жалел, что Михримах родилась принцессой, а не принцем: эта девочка всегда старалась делать то, что делали братья, она училась вместе с Мехмедом, постигая премудрости совсем не женских наук, прекрасно держалась в седле, неплохо владела оружием и даже... ходила в походы с отцом!

Роксолана тоже привлекала дочь к своим делам.

Дело в том, что как жена султана Роксолана получала ежедневное содержание, а как управляющая гаремом – ежемесячное жалованье, что в сумме составляло 830 000 акче в год. Это немалые деньги, ни одна из управляющих или наложниц таких сумм не получала.

Злопыхатели могут воскликнуть: «Ну вот же – пользовалась своим положением!»

Но ведь Роксолана была и женой, и управляющей, то есть сама выполняла обязанности хезнедар-уста (огромная нагрузка, между прочим). Кроме того, султан Сулейман довольно бережно относился к деньгам, вся роскошь и блеск, его окружавшие, были только красивым фасадом, но не более. Если бы он увидел, что Роксолана разбазаривает деньги, тратя их на побрякушки или пустые развлечения вроде золотых соловьев в золотых клетках, едва ли он стал бы поощрять жену.

Но Роксолана умудрилась за три года своей работы в должности управляющей гаремом скопить 2 000 000 акче личных денег и... основала благотворительный фонд! Благотворительностью, раздачей милостыни или оказанием помощи нуждающимся занимались и до Роксоланы, но никто не делал этого с таким размахом и на постоянной основе.

Изумленный инициативностью супруги, султан тоже пожелал принять участие в этом проекте и пожертвовал фонду несколько земельных участков для строительства задуманного Роксоланой. В Стамбуле вырос целый женский городок, в котором были своя мечеть, школа для девочек, больница, даже рынок и имарет, куда могли прийти жить престарелые женщины и те, у кого своего дома не было. Женщине, оставшейся без попечителя-мужчины, выжить в Стамбуле было практически невозможно.

Роксолане активно помогала подросток дочь Михримах.

Охотно или не очень, но чиновники и дамы по примеру султанши жертвовали средства фонду, это стало считаться признаком хорошего тона. За десять лет существования, к середине сороковых годов, фонд распоряжался уже огромными средствами – порядка 100 000 000 (сто миллионов) акче, в переводе на современные деньги это миллиарды рублей.

В 1539 году главным архитектором империи стал знаменитый Синан, чьи постройки до сих пор восхищают каждого, кто их видит. Роксолана активно использовала его талант создавать не просто красивые, но функциональные строения, ведь Синану принадлежит авторство не только великолепного комплекса Сулеймание и мечети Шехзаде, но и зданий больниц, благотворительных столовых, бань, фонтанов, караван-сараев и тому подобного. Всего Мимар Синан построил более 300 зданий, в основном в Стамбуле, и большую часть по заказу покойной султанши или, с ее подачи, – султана.

Не в последнюю очередь талант великого архитектора проявился благодаря именно Роксолане.

Но глупая молва немедленно связала их имена очередной сплетней. Нет, обвинить султаншу в измене никто не посмел, зато поползли слухи, что Синан, ставший главным архитектором, попросил руки принцессы Михримах, но заносчивая Роксолана тут же отдала дочь преданному Рустему-паше, за что тот немедленно получил должность Великого визиря взамен убитого по настоянию ведьмы прежнего Великого визиря Ибрагима-паши.

Все, как обычно, свалено в кучу.

На примере этой нелепой выдумки можно показать, чего стоит большинство обвинений Роксоланы.

Мимар Синан (Архитектор Синан) начал свою службу в войсках султана Сулеймана как военный техник. Обстреливая и разрушая крепости, мосты и здания, он внимательно наблюдал, делая выводы об их достоинствах и недостатках. Это легло в основу его архитектурных знаний. Но Синан долго занимался именно военным строительством – мостами, фортификационными сооружениями, знаменит его Вышеградский мост, сейчас объявленный наследием ЮНЕСКО.

Когда был взят Каир, Синана назначили главным архитектором города, а осенью 1539 года – главным архитектором империи, от чего империя, безусловно, выиграла. К назначению причастен новый Великий визирь – Челеби Люфти-паша, под началом которого когда-то служил талантливый мостостроитель. Именно этот паша, став Великим визирем после Аяз Мехмед-паши (умершего от чумы), вызвал гениального архитектора из провинции.

К этому времени Михримах-султан уже была полгода замужем за Рустемом-пашой, которому до поста Великого визиря оставалось служить «всего» четыре года. Рустем-паша тогда был Третьим визирем.

Вот Синан действительно был староват для юной Михримах, он был старше самого султана (родился в апреле 1489 года), но для людской молвы свалить в одну кучу Синана, Рустема-пашу и всех остальных не стоит труда. Обидно, когда подобные сплетни начинают повторять те, кто формирует знание (или незнание) истории у зрителей.

Дети уже выросли, даже младший Джихангир прошел обряд обрезания, что означало, что мальчик стал взрослым и больше не будет рядом с матерью, Роксолана могла в полной мере заняться общественной деятельностью, благотворительностью, строительством, а еще... политикой.

Что она и сделала.

Ей не простили. Одно дело жертвовать деньги бедным, но совсем иное – создавать фонды, строить мечети, больницы, магазины, столовые и дома призрения (имареты). А уж вести переписку с иностранными принцессами или королями?! Это невиданно!

Роксолана не обращала внимания на злые языки, за столько лет в гареме к ним привыкла, она давно вела переписку с сестрой персидского шаха Тахмаспа, видимо, это была Перихан-ханум, личность на Востоке известная и весьма примечательная. Тот случай, когда сестра умнее брата-правителя и способна держать его в определенной степени в руках.

С точки зрения обитательниц гарема это было предательством – переписываться с сестрой того, с кем воюет муж! Но Роксолана не делала (и не могла делать) ничего помимо воли своего Повелителя, о любом шаге докладывали султану, и переписку она наверняка вела по его подсказке и в его интересах.

Думаю, и с королями Польши тоже... Отправляясь в поход на Молдавию, Сулейман предпочел бы знать, как к этому отнесутся в соседней Польше, чтобы не столкнуться с объединенным войском молдаванского господаря и польского короля. Узнавать намерения короля Сигизмунда через дипломатов не совсем удобно, и тогда свою роль сыграла Роксолана, ведь ее родина была на территории тогдашней Польши...

Король ответил, переписка стала постоянной и продолжилась даже при его сыне. Королю тоже выгоднее дружить со всемогущей султаншей.

Мог ли гарем поверить возможности помогать мужу-правителю вот так? Разве это женское дело – переписываться с королями?! Султанше положено возлежать на подушках, отдавая приказания хезнедар-уста и служанкам и потягивая шербет, кофе или поглощая сладости.

Роксолана была «неправильной», она не возлежала на подушках, не перемывала косточки другим, не объедалась, султанша... трудилась. Она приняла на себя обязанности управления гаремом и стала активно его сокращать, убеждая Сулеймана выдать замуж или просто подарить кому-то одну красотку за другой. Красотки, привыкшие к гаремной неге богатейшего гарема Востока, без энтузиазма покидали свои места.

А в 1541 году в Стамбуле произошел большой пожар, причем в районе, непосредственно примыкавшем к дворцу. Пострадали, в том числе, и некоторые гаремные постройки. Роксолана воспользовалась этим и попросила мужа «приютить» ее в Новом дворце, где, собственно, и жил сам султан, хотя бы на время ремонта после пожара. А еще потому, что не чувствовала себя в Старом дворце защищенной.

Сулейман защиту любимой жене предоставил. Молва твердит: Роксолана быстренько перебралась в Новый дворец со всей своей обслугой, число которой приближалось к сотне, при этом оставив несчастный гарем в прежних горелых покоях, то есть попросту ликвидировала, погубила гарем, воспользовавшись своей властью над султаном.

И снова все свалено в одну кучу.

Да, после пожара Роксолана действительно перебралась вместе со своим штатом прислуги в Новый дворец к Сулейману. Этот дворец теперь называют Топкапы и показывают туристам. В нем, как ни странно, с первых серий происходит действие сериала. Конечно, зрителям все равно, что за интерьеры вокруг, было бы красиво и ладно. Это не грех постановщиков...

Султанша забрала с собой только свою прислугу: поваров и секретарей, массажисток и парикмахерш, банщиц и вышивальщиц, переписчиц и портних... а еще евнухов, куда ж без них? А кого она должна была забрать? В гарем давно не покупали новых красавиц для султана, он предпочитал одну всем, к чему тратить деньги на новеньких? Препных Роксолана убедила Сулеймана раздать, оставались только постаревшие наложницы вроде Гульфем, которая и при прежней системе доживала бы свой век в Старом дворце.

Оставшиеся в Старом дворце жили спокойно, сытыми и защищенными, только вот султан туда больше ни ногой и языки почесать не о ком, кроме разве проклятой султанши, лишившей бывших одалисок возможности... какой возможности она их лишила? У этих женщин не было и не могло быть будущего, все, что они делали прежде и чем занимались теперь, – ели, спали и злословили. Ничего не изменилось, но виновата все равно проклятая Хуррем!

Родилась новая глупость: якобы султан, которому пришлось не по вкусу присутствие женского царства Роксоланы во дворце, нарочно выделил для строительства нового гарема большой участок. Но, прекрасно понимая, что, переехав из Топкапы с глаз Сулеймана, может потерять влияние на него, Роксолана предложила построить на выделенном участке... мечеть. Хитрая бестия знала чем брать, к мечетям султан был равнодушен. Синан построил знаменитый комплекс Сулеймание, а ведьма со своей прислугой осталась в Топкапы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.